

О. А. Кузнецова, В. Г. Ченцова, С. М. Шамин

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ЭЛОГИУМА ХРИСТИАНА БОРНМАННА: ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО ПЕТРА I И ЛИТЕРАТУРА¹

Введение

Великое посольство Петра I заслуженно вызывает интерес исследователей разного профиля, однако вопрос о его возможном влиянии на развитие русской литературы практически не рассматривался. Между тем за время поездок русских дипломатов во главе с царем по разным европейским странам на русский язык было переведено огромное число текстов самого разного содержания [Гуськов]. Внимание литературоведов эти переводы долгое время не привлекали, поскольку в них видели лишь деловую документацию. Такая оценка переводов верна лишь отчасти: при абсолютном преобладании текстов делового характера в поле зрения участников посольства иногда попадали и литературные памятники. Речь идет, в первую очередь, о памфлетной литературе. К примеру, в конце 1697 г. на русский язык перевели один из поддельных документов, приписываемых турецкому султану. Памфлеты этой группы широко представлены в русской книжности XVII и XVIII столетий. К. Ватсон, проанализировав этот перевод, отметила в нем некоторые черты книжного языка и предположила, что переводчик осознавал литературный характер текста [Šamin, Watson].

Другую заметную группу составляли панегирические сочинения. Это вполне естественно, поскольку в 1697 г. впервые в истории России в заграничный вояж отправился русский государь. Имевшие связи с российским двором европейские правительства стремились организовать его встречу максимально торжественно. Тот факт, что Петр I ехал в Европу как покоритель Азова и победитель турок, придавал его путешествию оттенок триумфа. Будущий император и его сподвижники получили возможность ознакомиться с практикой торжественных приемов во многих европейских странах. Панегирики разного рода были частью этих церемоний. Знакомство с ними Петра I и его окружения не могло не оказать влияния на русскую придворную культуру.

Стихи Христиана Борнманна

Первый торжественный прием состоялся вскоре после пересечения посольством российской границы. Русских дипломатов чествовал в своей столице Митаве курляндский герцог. С. В. Алпатов в недавней работе проанализировал элогиум, написанный в честь этого события на латинском языке, и его русские переводы [Алпатов, Шамин], предположив, что автором элогиума был придворный поэт курляндского герцога Христиан Борнманн [Analecta Freystadiensia, s. 245; Denffer, s. 11–34; Flood, p. 221–222]. Предметом нашего исследования является еще одно произведение, напечатанное на отдельном листе и вошедшее в программу чествования русских гостей, — приветственное немецкое стихотворение с эпиграммой (первые девять строк), написанной параллельно на греческом языке и латыни. Перед эпиграммой помещено прозаическое немецкоязычное введение, основное содержание которого составляет перечисление титулов [Шамин].

Это сочинение также принадлежало перу Борнманна. Если исследованный ранее латинский элогиум вышел анонимно, то здесь имя автора указано непосредственно в самом издании. 23 апреля 1697 г. интересующий нас «печатный лист» вручили адресатам, и, таким образом, издание отложилось среди документов Великого посольства².

На момент произнесения виршей Борнманну исполнилось уже 57 лет. Он достиг высокого уровня профессионализма, позволявшего обратиться к такой сложной поэтической форме, как

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00483) и Riksbankens jubileumsfond (проект RFP12-0055:1).

² РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 1 об. — 2.

элогиум. Прямой смысл стихотворения был достаточно простым. Оно обращено к официально назначенным во главе миссии послам Ф. Я. Лефорту, Ф. А. Головину и П. Б. Возницыну. Автор приветствовал их, выражая уверенность, что благодаря неоспоримым личным достоинствам и Божьей помощи они смогут выполнить свою миссию и что царь разобьет османскую армию.

Однако, как это свойственно культуре барокко, за внешней простотой послания таилась сложная игра смыслов и образов. Это выражалось в самых разных формах. К примеру, хотя адресатами текста выступали русские дипломаты, на листе имя царя было размещено и выделено шрифтом так, чтобы визуально создавалось впечатление, будто обращение адресовано именно Петру Алексеевичу. Вряд ли стоит сомневаться в том, что таким образом автор, с одной стороны, подчеркивал свое уважение к тайне государя, присутствовавшего среди посольской свиты инкогнито, а с другой стороны, точно обозначил истинного адресата текста.

Свои сочинения Христиан Борнманн публиковал в существовавшей в Митаве типографии, так что, по-видимому, и это поэтическое приветствие царя Петра было напечатано там же. Примечательно использование для издания «листа» греческого шрифта (близкого к типу шрифта Augustijn Granjon [Lane, p. 112–117]), имеющего незначительные особенности: в некоторых случаях ударения и придыхания «отстают» от той буквы, над которой они должны стоять, или немного опережают ее. Вписанные от руки коричневыми чернилами в двух случаях придыхания, запятая, а также дважды сделанная опечатка в слове «Бог» (Δεὸς вместо Θεός) свидетельствуют о том, что выполнявший работу мастер был менее опытен в работе с греческими текстами, чем с латинскими или немецкими. Несмотря на опечатки, сам факт использования греческого шрифта для напечатания панегирика свидетельствует о высокой типографской культуре, которая представляется удивительной в провинциальной Митаве даже при блестящем дворе герцога Фридриха Казимира. Не проводя специального исследования, трудно сказать, откуда в Митаве мог появиться греческий шрифт. Обращает на себя внимание, впрочем, что он очень близок шрифту, использовавшемуся лейпцигским типографом Иоганном Фридрихом Гледичем, в частности, в издании-трилинге *Evangelia et epistolae dominicorum ac festorum dierum, graece, latine et germanice*, вышедшем в 1693 г. Лигатуры тау-альфа сходны с теми, что имелись в шрифте, которым пользовался Блау (Willem Jansz Blaeu) для напечатания изданного в Амстердаме в 1633 г. Евангелия [Lane, p. 118–120]. Впоследствии матрицы Блау перепродавались, и, поскольку в конце XVII столетия в Северной Европе уже было достаточно развито книгопечатание на греческом языке, приобрести шрифт или отдельные матрицы букв разных наборов шрифтов было несложно.

Особенности греческих и латинских текстов

Использование трех языков также было элементом игры, присущей культуре барокко. В текстах, написанных на классических языках, Христиан Борнманн пытался подражать классическим античным поэтам. Стремясь написать вирши торжественным гекзаметром, он ориентировался в латинском тексте на образцы Вергилия и Горация, а в греческом на Гомера, употребляя довольно изысканные формы слов (см., например, двойственное число в строке 4: κόσμοιο). Впрочем, автору не удалось соблюсти ни нужное количество слогов в строке (все они имеют разное количество слогов, в греческом от 13 до 16, в латинском, где ритм выдерживается несколько лучше, добавлена одна краткая строка-заголовок из 11 слогов), ни принятое чередование долгих и коротких гласных (которое выдерживается нерегулярно³).

Несмотря на привязанность эпиграмм к актуальной европейской политике, Христиан Борнманн предпочитал современным названиям и терминологии античные топонимы и аллюзии, позволяющие сохранить высокий поэтический стиль. Враждебную европейскому миру и

³ См. об этой особенности наблюдения Б. Отвиновской: [Otwinowska; Алпатов, Шамин].

России Османскую империю автор обозначает «Тартария», что, несомненно, связано как с «Татарией»/«Тартарией», так и с мифическим Тартаром, преисподней.

Своей изящной аллюзией на «Историю» Геродота поэт призывает царя победить «фракийских лисиц», под которыми также явно подразумеваются османские войны, но уподобляемые геродотовым фракийцам с лисьими шапками на голове (VII, 75). «Фракийцами» обозначены турки и в другом элогиуме, поднесенном Петру I в Митаве [Алпатов, Шамин, с. 109–110]. Сознательная архаизация терминологии превращает Азов в Танаис, греков в элинов или (в латинском тексте) в гомеровских древних пеласгов. Впрочем, Борнманну не удалось найти античных аналогий для Астрахани, Казани и Сибири, так что эти названия пришлось включить в текст в их современных формах.

Интересно обозначение подданных Петра I «рутенами» или в греческом тексте — «руфинами» (Ρουθήνοι). Название народа «рутены» является калькой с употреблявшегося западноевропейцами обозначения руського/русского населения Речи Посполитой, в отличие от жителей Московского государства. Наименование восходит к «рутенам» Страбона, населявшим Галлию, а в Средние века оно распространяется на восточных славян.

Московский царь в тексте назван «самодержцем Эллады» («автократор» в греческом тексте и «кесарь» — в латинском), что предполагает обсуждавшиеся (хотя, видимо, вполне фантастические) проекты, которые предусматривали не только вмешательство России в войну с Османской империей и весьма важную роль русского правителя в этом противостоянии, но и его участие в последующем разделе османских территорий, благодаря которому царь мог стать и повелителем «Эллады» (греческая версия) или «греков» (латинская версия). Эта война — «Божия война» или *bellum Dei* (θεοῦ πόλεμος) — уподоблена библейской священной войне «из рода в род», в которой на стороне праведных выступает сам Господь (ср.: Исх 17: 16). Таким образом, в стихах Х. Борнмана государство, ранее называемое западноевропейцами «Московией», противопоставляется «Тартарии»⁴, ее правитель, царящий над Европой и Азией, — уже не «великий князь», как ранее, а «монарх» и будущий «автократор Эллады», «цезарь» подобно императору Священной Римской империи германской нации.

Особенности немецкого элогиума

Для немецких стихов Х. Борнмана характерно строгое следование шестистопному ямбу с перекрестной рифмой (чередование женской и мужской клаузул). Таким образом, перед русскими переводчиками оказывается текст, написанный по правилам силлабо-тонической системы, еще не адаптированной в России. Кроме того, как известно, помимо барочной причудливости формы, стихотворениям в духе элогиума свойственно сплетать художественные образы в логические цепи. Мы можем увидеть несколько образных линий, пронизывающих немецкий стихотворный текст. Первая линия — отношения Юпитера и Меркурия, которые представляют власть и волеизъявление. Эти отношения проецируются на Петра, путешествующего анонимно, и послов, несущих его волю. Вторая линия, вырастающая из первой, воплощена в жезле Гермеса — кадуцее. Послы смотрят на этот «крыластый» жезл и видят на нем двух змей, в которых заключены два различных начала — мудрость и опасность. При этом они переплетены и являются символом посольской миссии: осуществление связи, заключение союза, удачно выраженное русским глаголом «обовяжите». Этот жезл также является символом, связывающим стихии земли и воды (в виршах море успокаивается, глядя на небеса, подобно тому как переглядываются два божества).

⁴ В западноевропейских географических сочинениях «Тартарией» называли земли, населенные тюркскими народами, и Китай (см.: Kircher A. La Chine. Amsterdam, 1670. P. 127–129; Herbelot de Molainville B. Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient. Paris, 1697. P. 898–899). Но часто это обозначение ассоциировали прежде всего с территориями, соседствующими с Московским государством (см.: [Boxhorn, Marcus Zuerius.] Russia seu Moscovia itemque Tartaria: Commentario topographico atque politico illustrate. Lugdunum Batavorum: Ex officina Elzeviriana, 1630).

С этим же смыслом связан дар духовной прозорливости (сотни Аргусовых глаз), сообщаемый послам. Третья линия — космографическая: она выражается в образе света, на котором царь объезжает земной шар, мотивах возникновения «супротивной» линии на небесах и построения орбиты, по которой царь отправится «измельчать» врага, воплощенного полумесяцем. Хорошо известная европейской культуре того времени метафора отношения послов к государю как луча к солнцу [Юзефович, с. 50] связывает космографическую линию с первой, замыкая образный ряд. Итак, стихотворение Борнманна для переводчиков XVII в. представляло сложнейшую поэтическую конструкцию, чрезвычайно трудную для перевода.

Отдельную проблему составляла сама по себе поэтическая форма, или жанр, элогиума. В традиции переводов Посольского приказа подзаголовок «элогиум» переводится как «похвала». В связи с формальными особенностями этого жанра освоение элогиума на почве национальных литератур протекало непросто, поэтому принято говорить скорее о чертах элогиарного стиля, нежели о жанровом заимствовании [Сазонова, с. 351].

Переводчики

В настоящее время выявлено три русских перевода элогиума Борнманна. Все они являются чистовыми подъяческими копиями, что исключает идентификацию их авторов по почерку. Составитель первого перевода (1697 г., далее — П)⁵ входил в число участников великого посольства и слышал декламацию самого Борнманна. В посольских документах на момент пребывания посольства в Митаве упоминаются два переводчика с немецкого языка — Петр Вульф и Петр Шафиров [Лефорт, с. 338]. Ни один из них не был поэтом, хотя сам Вульф в челобитной 1705 г. упоминал о своей работе по переводу книг с немецкого языка и латыни⁶. Однако неточности перевода заставляют усомниться в том, что переводчик был носителем немецкого языка, каковым был Вульф. Это позволяет предположить скорее авторство Шафинова.

Два последующих перевода виршей Борнманна выполнены уже в Москве в Посольском приказе и включены в состав курантов (обзоров иностранной прессы, составлявшихся для царя и Боярской Думы). Они близки между собой. Один из них (далее — К1)⁷ был выполнен для прочтения на заседании Думы (5 мая 1697 г.), другой (далее — К2)⁸ появился уже по возвращении Великого посольства в Москву и также предназначался для бояр. Новым переводом этот текст можно назвать лишь условно, поскольку его автор только редактировал предыдущий вариант, сверяя новый текст с изданием Борнманна, о чем говорят многие изменения в порядке слов и грамматике, ориентированные на первоисточник.

Логичнее всего предположить, что два этих последних перевода выполнил Иван Тяжкогорский, занимавшийся переводами курантов. Данному предположению есть и дополнительное подтверждение. Дело в том, что в 1696 г. в Посольском приказе официально числилось два переводчика с немецкого языка. Это Петр Вульф и Петр Шафиров⁹. Однако оба они отправились за границу с Петром I в составе Великого посольства. Иван Тяжкогорский, числившийся по списку 1696 г. переводчиком с французского, венгерского, польского, латинского и белорусского языков¹⁰, фактически владел также и немецким языком. Причем в отсутствие коллег он был единственным, кто этот язык знал. Это становится известно благодаря запросу М. Г. Ромодановского в Посольский приказ от 11 ноября 1697 г. Ромодановский отправлялся к польской границе с войсками. Он потребовал себе переводчиков, в том числе и со знанием немецкого языка. В ответ на его требование в Посольском приказе подготовили справку, сообщавшую, что польский, латинский, французский и немецкий языки знает Тяжкогорский,

⁵ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 4–5.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 1.

⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 224–226.

⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Л. 197–199.

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 16. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 5.

которого, однако, в полк к Ромодановскому отправить невозможно, поскольку он занимается переводом материалов, еженедельно доставляемых Рижской почтой. Других же переводчиков со знанием немецкого языка в Посольском приказе нет¹¹. Таким образом, благодаря этому документу становится очевидным, что анализируемые нами «московские» переводы элогиума Х. Борнмана из архива Посольского приказа принадлежали перу Тяжкогорского.

Русские переводы элогиума

Выбор латинской или греческой версии для перевода эпиграммы

Сравнение трех переводов панегирика Петру I на русский язык, выполненных непосредственным участником Великого посольства П. П. Шафировыми и Иваном Тяжкогорским, с греческой и латинской версиями подлинника дает возможность заключить, что два перевода (версии П — перевод Шафирова, и К2 — перевод Тяжкогорского) были сделаны с латинского текста, а один (К1 — перевод Тяжкогорского (?)) — с греческого. К такому наблюдению позволяет прийти сопоставление передачи на русский язык отдельных слов и фрагментов греческого и латинского текстов. В таблице представлен ряд примеров, по которым видна разница переводов, свидетельствующая о том, что две версии точнее передают смысл именно латинского текста, а одна — ближе к греческому варианту:

Латинский текст	П (РГАДА. Ф. 32. 1697 г. Д. 30. Л. 4–5, пер. П. П. Шафирова)	К2 (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Л. 197–199, пер. И. Тяжкогорского)	Греческий текст	К1 (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 224–226, пер. И. Тяжкогорского?)
Pelasgi	греки	пеласки	Ἕλληνας	еллины
bona portio	добрая часть	добра часть	κλήρον... μέγιστον	превеликую часть
Rex... potens	сильный король	царь... сильны	Βασιλεὺς... μέγας	ц(а)рь... велики
Thressasque... vulpes	трацииские лисицы	трессицкие... лисицы	Θρᾶκας ἀλώπεκας	фракииския лисицы
cape victor	возми победителю	емли победитель	λάβε νίκη	возми победою
Graecorum et summò Nomine Caesar eris	греческий высшим именем цесарь будеши	греков и вышайшим именем кесар будеши	Ἑλλάδος αὐτοκράτωρ καὶ ποτε Καῖσαρ ἔση	Элады самодержец и некогда цесарь будеши

Шафиров сделал перевод текста с латинского языка, которым хорошо владел. Иван Тяжкогорский либо попытался самостоятельно перевести оба текста, сохраняя ту весьма незначительную разницу между двумя версиями, которая имелась в подлиннике, либо, составляя первую, близкую греческому тексту версию перевода, обращался к кому-то, знавшему этот язык (о владении самим Тяжкогорским греческим ничего не известно). Вследствие этого переводы несколько отличаются друг от друга.

Выбор системы стихосложения для русских переводов

Передача стихотворной формы текста была для переводчиков особенно сложной проблемой. В России конца XVII столетия среди общих принципов книжной версификации была принята силлабическая система стихосложения. В придворной поэзии широко практиковалась парная рифма с женской клаузулой. Текст Борнмана в эту традицию не укладывался.

Для каждого из переводчиков приоритетной задачей являлось точнейшее содержательное соответствие русского текста немецкому оригиналу. Именно этим объясняется почти полное

¹¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 37.

отсутствие рифмы в переводных текстах; моменты эстетического сглаживания, содержательного преобразования редки и возникают в тех случаях, когда сделать вразумительный, грамматически корректный перевод, не изменяя порядка слов, невозможно. Если близость польского и русского языков способствовала появлению рифмованных и эквиритмических переводов стихов, то известные опыты перевода с немецкого свидетельствуют об обратном. Пренебрежение переводчика метрикой заметно и на примерах перевода немецких песен¹², где последовательные рефрены и анафорические повторы даже при механическом переводе на русский язык, казалось бы, способствуют появлению ритмических закономерностей.

Тем не менее переводчики рассматриваемого стихотворения приложили некоторые усилия к тому, чтобы перевод не был всего лишь прозаическим подстрочником. Все три текста переводов оформлены как стихи в традициях того времени: об этом говорит значительное для документов Посольского приказа число акцентных знаков и отметок начала и конца строк (отступы, классическое отделение конца строки точкой с запятой в К2).

При переводе отдельных фрагментов видны попытки переводчиков применить свои представления о стихотворной метрике. Ни один из них не использует последовательно силлабическую систему для перевода силлабо-тонического стихотворения, однако в варианте К2 (1698 г.) есть один равносложный и даже рифмованный фрагмент, тяготеющий именно к русской традиции:

Где змеиное оберегательство есть и умный совет владеет.

Там на кругу небесном противное ударение быть не <с>меет;¹³

Впрочем, на протяжении остального текста силлабический двадцатисложник не выдержан.

Наиболее перспективны в плане исследования метрики стихи варианта П. При общей нерегулярности строк по числу слогов в них явно присутствует тяготение к трехсложному размеру:

Благоприятно прише́ствие в <á>ше, о лутчие три́е

Их же юпитер от се́вера <...>

Надо заметить, что хотя трехсложный размер принадлежит силлабо-тонической системе, которая не была еще привита на Руси, однако тенденция к ней известна и в отдельных виршах Симеона Полоцкого (например, в стихотворном цикле «Философия», ч. 1).

Обращает на себя внимание и то, что только в стихах Шафирова (П, 1697 г.) используется однотипное окончание строк: в основном, женская клаузула (лишь в двух случаях — дактилическая, в трех — мужская), тогда как в оригинальном немецком тексте благодаря перекрестному построению стихов женская и мужская клаузулы строго чередуются. А в последней строке Шафиров неожиданно меняет порядок слов (по сравнению с немецким оригиналом), за счет чего возникает рифмованная концовка:

Котóрым бы хра́брый Ц<a>рь | луну́ | то́ль мо́г пробíти,

Что́б ему́ пéрекоп и крьм вско́ре | мо́гли | подданны́ бы́ти.

Таким образом, есть основания подозревать, что автор перевода опирался на известную ему модель с женской клаузулой, которая преобладает в придворной поэзии второй половины XVII в.

Интересные наблюдения, связанные с метрикой, можно сделать и на примере перевода К1 (1697 г.). Как и в других вариантах, здесь автор придерживается членения на строки в соответствии с оригиналом, хотя строка имеет еще и внутреннее деление. Несомненно, оно обусловлено небольшой шириной листа и крупным почерком переписчика, но нельзя не отметить, что перенос в строке логический: в переводе с немецкого отсутствуют разрывы слов, а сами переносы происходят на месте интонационных пауз в иноязычном тексте. Возможно,

¹² См., например: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 39–39 об.

¹³ РГАДА. Ф. 155. 1698 г. Ед. 17. Ч. 1. Л. 198.

переводчик таким образом старается передать метрические особенности оригинала, не переводя их в систему русской версификации, на ту пору столь отличную от немецкой. В его записи наблюдается некоторая последовательность, и создается впечатление, что автор перевода хорошо знаком с правилами как декламации, так и силлабо-тонической версификации. Особенно важно, что запись этого перевода ориентирована именно на звуковой образ, а не на зрительный. В тексте Борнмана используется знак «/», во многих случаях совпадающий с цезурой. Русский переводчик не только следует этому акценту, делая соответствующий разрыв строки (строка 11), но и соблюдает его в том случае, когда в оригинале он смещен или отсутствует (строка 7 и две последние).

Ошибки переводчиков

Перейдем к анализу техники поэтического перевода. Три образные связки, являющиеся стержнем немецкого стихотворения Борнмана (отношения государя и его послов, символика кадуцея и космографическая топка), были только отчасти поняты русскими переводчиками. При построчном переводе упускалась элогиарная связь всех элементов стихотворения, из-за чего возникали малопонятные «темные места» и фактические ошибки.

К примеру, Х. Борнманн использует венки поэтических уподоблений: послы великого государства описаны как части тела царя; сам царь как отсвет солнца (*Unterschein* — дословно переведенное как «подсияние», «нижнее» сияние); золотая солнечная колесница — символ верности царевых слуг. Тот же прием используется в двух последних строках первого четверостишия: море успокоилось, глядя на небо, подобно тому как земное божество смотрит на небесное, подражая ему. Этот сложный образ не прочитывается в варианте Шафирова (П), что вызвано целым комплексом ошибок: в 4-й строке пропущено слово «небо» (его эпитет «ясно» перенесен на соседнее слово «море») и спутаны корни: «*Sturm*» — буря, «*stumm*» — немой, из-за чего море из тихого становится бурным. Вместо связки «потому что» или «как» переводчиком употреблен союз «когда», еще более затемняющий смысл конструкции.

Наиболее сложными местами для обоих переводчиков оказались символы, связанные с внешним видом кадуцея (две змеи, знак крыльев), и развернутые космографические метафоры (в частности, слово «*Firmament*» — небосвод — на фоне заданной предметности становится то твердью, то небесным кругом, на которых не станет никаких противодействий, тогда как речь идет о безусловном признании небесными силами правомерности поступков послов).

Дополнения, внесенные переводчиками

Особого внимания заслуживают смысловые дополнения, которые вызваны стремлением переводчиков вписать переводное стихотворение в литературный контекст, близкий русскому человеку того времени, отчего в переводах появляются детали, не содержащиеся в оригинале. Это распространяется как на применение переводческих формул (в варианте П «*willkommen*» переводится «благоприятно пришествие ваше»; в К1 немецкое «*muss*» последовательно соответствует выражению «надобно дабы»), так и на использование церковнославянизмов. Высокий стиль поэтического текста традиционно достигается при помощи синтаксического гебраизма (введения дополнительных союзов-связок «и») и лексической архаизации. Наиболее показательны формы слова «очи»: в К2 использовано архаичное «очеса», тогда как «очи» — широко употребляемое двойственное число. В том же переводе «стомя очами» заменено на «стома очма», форму, более всего похожую на искусственно архаичную. Также примечательно, что в этом особенно архаизированном варианте перевода к трем послам грамматически последовательно обращаются в единственном числе, как к Святой Троице: «здравствуйте лутшее трое».

Редактирование текста И. Тяжкогорским: от К1 к К2

Сопоставление двух текстов, вышедших, как можно предположить, из-под пера Тяжкогорского, позволяет отметить в работе над переводом и проведенном им редактировании определенные тенденции.

К1 (1697 г.)	К2 (1698 г.)
лутчее три, ихъ же	лутчшее трое, его же (<i>введение авторского символа единства в трех лицах</i>)
Юпитеръ посыланы Море	Юпитер послал и море (<i>синтаксический гебраизм</i>)
тихо стало	утишилось (<i>возможно, для равносложности</i>)
на другого смотрит	благо на другаго зрить (<i>архаизация и уточнение смысла: ближе к оригиналу</i>)
Зане очи (<i>дв. ч.</i>) и солнца подсияние	какъ очеса (<i>мн. ч., малоупотребимое — архаизация</i>) и подсияние солнца (<i>инверсия — отклонение от оригинала: возможно, для равносложности</i>)
Хощет <i>местоимение опущено</i>	изволит он (<i>в соответствии с оригиналом</i>)
Дабы <i>местоимение опущено</i>	чтоб ему (<i>отклонение от оригинала — возможно, для ясности</i>)
золотый воз была	златым возом была (<i>церковнославянизм — архаизация</i>)
Чѣм	чего
Богов посла со стома очми осторожность надобно дабы <i>союз опущен</i>	бозиего посла стома очима (<i>архаизация</i>) оберегателство надобно чтоб итак (<i>в соответствии с оригиналом</i>)
поезжайте	шествуйте
Цесаря обовяжите вся благо	кесарские вся благо обовяжите (<i>инверсия — отклонение от оригинала</i>)
меж тѣм временем	междо тѣм временемъ
чинит путь	творит путь
Месяцъ проитить возмог подданными были	луну возможетъ пробивать подданными будутъ

В случаях отклонения второй редакции от оригинального немецкого текста (по сравнению с соответствующим местом в первой редакции) замена может быть обусловлена уточнением смысла фразы и нарочитым употреблением церковнославянизмов. Изменения в порядке слов (инверсия) и некоторые замены гипотетически могут быть объяснены метрическими поисками автора: в нескольких случаях благодаря позднейшим изменениям возникает дактилическая стопа.

Общая характеристика переводов

Таким образом, все три рассмотренных перевода демонстрируют различное понимание немецкого элогиума, что выражается в разных подходах авторов к поэтизации текста. Самый ранний перевод Шафирова (П) обнаруживает попытку к адаптации силлабо-тонического стихотворения за счет подражания античной метрике: переводчик, не зная, по-видимому, правил немецкой силлаботоники и не владея этой системой, метрически продолжает латинские и греческие стихи, предшествовавшие этому тексту. Тяготение к дактилическому размеру в стихах Шафирова объясняется стремлением переводчика создать именно стихотворное произведение. Особенно красноречив в его переводе дактиль в предпоследней стопе большинства строк. Судя по результату работы, автор ставил своей целью создание точного, но в то же время не лишённого художественных достоинств русскоязычного произведения. Однако в этом переводе наблюдается больше всего фактических неточностей. Следующий по времени перевод Тяжкогорского К1 напоминает попытку натянуть немецкую кальку на русскоязычный материал. В нем видится стремление встроить иностранный текст в петровскую придворную культуру, не допустив при этом существенных отклонений от оригинала. Позднейший перевод К2 — наиболее традиционный, в нем присутствует и классическое оформление стихотворного текста, укрепившееся в русской культуре с середины столетия, и наибольшее стремление к архаизации, и черты изосиллабизма.

И все-таки образная глубина, содержательная сторона стихотворения Х. Борнмана во многом остались для переводчиков скрытыми под завесой чужой традиции. При переносе в русскоязычный текст из немецкого оригинала суммы разнородных образов элогиарные связи оказались утеряны, следовательно, непонятым оказалось и жанровое своеобразие текста. Барочные вирши, созданные русскими поэтами еще во второй половине XVII в., достигали высокого уровня формальной отточенности, но многие приемы европейской поэзии, в том числе борнманновская многослойная образность, были еще чужды поэтической культуре раннего Петровского времени.

Стихи Борнмана за пределами архива Посольского приказа

Выполненный Шафировым перевод оказался востребован за пределами архива Посольского приказа. Вариант этого текста был выявлен и опубликован И. А. Шляпкиным по находившемуся в его личной коллекции черновику, переписанному на двух столбцах¹⁴. Его нынешнее местонахождение не известно. Текст скопирован с выпуском ряда ключевых слов, что особенно затемняет его смысл, и при этом сопровождается пояснениями, не особенно проливающими свет на содержание виршей (синонимы слов и варианты отдельных строк приведены в публикации в скобках).

Так, шафировский оборот со значением 'тройка лучших' дополнен словами «лучей трехь». Пояснение «Меркурия, гонца богов, украшает» заменено на «Меркурия гонца богом украшает» — по-видимому, образ Меркурия также не был понятен переработчику текста. Фраза «Тамо не надлежит на тверди никакой супротивности быти» переписана с выпуском отдельных слогов (в рукописи они являются выносными): «Тако надлежит на тверди, как супротивно

¹⁴ Шляпкин И. А. Библиографические разыскания в русских и зарубежных библиотеках по славянорусской письменности. М., 1894. С. 7–9.

быти». Возможно, в этом случае переписчик не разобрался в записи стихотворного текста. Иносказательный образ в латинском и греческом вариантах виршей «традиционные лисицы» заменен на «срацынь». Фактическая ошибка — бурное море вместо тихого — не исправлена.

Многие неточности связаны с передачей имен собственных. Особенно характерен перевод подписи, в которой вместо «от Христиана Борнманна, цесарского коронованного стихотворца и школного управителя» написано: «От Христиана Бейръ имена цръского корованного (=коронованного)¹⁵ стихотворца и шкоского управителя».

Много ошибок обнаруживается в словоразделах: длинные слова дробятся на короткие или вовсе лишаются частей. Отдельные слова выпущены, а отдельные (не содержащиеся в немецком оригинале) добавлены, из-за чего нарушается ритмическая структура стихотворения. Как представляется, составитель книжной версии, не имея возможности слышать свой текст с немецким источником (не зная языка или не имея оригинала перед глазами), переделывал имевшийся в его распоряжении русский перевод, который был ему плохо понятен. Он предпринял попытку стилистической правки (использовал инверсию и синтаксический гебраизм), однако допустил массу содержательных искажений.

Публикация И. А. Шляпкина не дает сведений о бытовании столбцового текста. Можно лишь с уверенностью предполагать, что он предназначался для частного использования. Со списка той же редакции стихотворение было переписано в Анатолиевский сборник, который в первые годы XVIII в. составил житель г. Хлынова Семен Попов — автор Вятского временника, дячок хлыновского Богоявленского собора [Уо, с. 271]. Ныне сборник хранится в собрании рукописей Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои (№ Пи 9250, мы не имеем доступа к этой рукописи). Д. К. Уо привел в своей книге начало и окончание данного текста. В нем, как и в списке И. А. Шляпкина, говорится, что сочинение «поддано от Христиана Беир имена царского корованного сихотворца» [Уо, с. 271].

Еще один вариант текста помещен в качестве прибавления к списку Титулярника в рукописи БАН 32.3.1. Л. 239–241 (нач. XVIII в.). Он не является самостоятельным переводом, а скомпилирован из двух рассмотренных выше. Переписчик начал копировать список К1. Дойдя до слов «Здравствуйте лутчее три ихъ ж || Юпитеръ ис сѣвера», он пропустил их, потом переписал несколько строк, пользуясь сразу двумя списками (К1 и П), а со слов «Вы есте уста, очи і руце» воспроизводил только П. Из этого можно сделать вывод, что переписчик работал в Посольском приказе и имел доступ к его архиву. Создатель компилятивной редакции не обращался к имевшемуся в его распоряжении иностранному оригиналу и плохо знал античные реалии. Под его пером «эракиския лисицы» из К1 превратились в «французския лессы», а упоминание «Меркурия» дало в списке малопонятное «Миръ Курля».

Таким образом, дальнейшее распространение текста за пределы Посольского приказа привело к существенному снижению его качества. Однако сам факт вхождения панегирика в рукописную книжность примечателен. Он свидетельствует о том, что выполненные в ходе Великого посольства переводы могли быть востребованы не только как приказная документация.

Публикация

Русские вирши написаны скорописью и содержат множество надстрочных знаков. Часть из них является каллиграфическими символами, другая часть — показателями акцентуации. Последние имеют разнообразный вид (горизонтальные и косые линии, точки). Акцентные знаки, по-видимому, находятся в отношениях свободного варьирования. Из устаревших букв кириллического алфавита воспроизводятся і, ѿ, ѣ, ѿ.

Выносные буквы выделены курсивом. Титла раскрыты, пропущенные буквы даны в круглых скобках. Словоразделы, а также заглавные и строчные буквы даны в соответствии

¹⁵ Пояснение в скобках принадлежит И. А. Шляпкину.

с современными грамматическими нормами. Исключение составляют слова в обозначаемом заглавными буквами начале стихотворной строки. Пунктуация источников сохранена, поскольку этот фактор является важным для понимания переписчиками стихотворной природы текста (как и само деление на строки с использованием заглавных букв в начале строк).

В греческом и латинском текстах сохранены орфография, пунктуация и заглавные буквы подлинника.

Немецкие стихи набраны в соответствии с оригиналом. Знак «//» повторяет две короткие наклонные черты, возникающие в источнике на месте некоторых словоразделов и в сложных словах. Знак «/» также сохранен. Заглавные буквы сохранены. Замена букв не производилась.

РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 1 об.–2.

¹ Τῷ Μονάρχῃ Ῥουθίνων ^a τῷ ἀνικητοτάτῳ.	¹ Monarchae Ruthenorum Invictissimo.
² Ἀσσοφίην εἶλες, Τάναιν δ'Ἑλληνας ἔλεξαν,	² Cepisti Assoviam, Tanain dixere Pelasgi,
³ Ἀστρακάνου ^b , Κασάνου, Σιβιρίαςτε κρατῶν.	³ Astracantum, Casanum Sibiriamque regens.
⁴ Νῦν μὲν ἔχεις ἐπὶ σου κληρον κόσμοιο μέγιστον,	⁴ Nunc equidem subjecta Tibi bona portio mundi,
⁵ Εὐρώπης Βασιλεὺς ὢν Ἀσίαςτε μέγας.	⁵ Europae namque es Rex, Asiaeque potens.
⁶ Ἄξε Θεοῦ ^c πόλεμον, καὶ Θράκας ἀλώπεκας ἄγχε,	⁶ Trude DEi bellum, Thressasque interface vulpes;
⁷ Θάρσει, ἔστι Θεὸς ^d σεῖο γὰρ ἐγγύτατος,	⁷ Fide DEo, DEus est proximus ipse Tibi.
⁸ Κωνσταντινόπολιν ^e μετὰ Ταρταρίας λάβε νίκη,	⁸ Constantinopolim cum Tartaria cape Victor,
⁹ Ἑλλάδος αὐτοκράτωρ καὶ ποτε Καῖσαρ ἔση.	⁹ Graecorum et summò Nomine Caesar eris!

^a Придыхание над буквой «ρ» вставлено от руки коричневыми чернилами. Далее правка также внесена коричневыми чернилами.

^b Запятая после слова и придыхание над первой буквой вставлены от руки коричневыми чернилами.

^c Исправлено от руки из: ΔΕΘΥ. Так же корректор поступил ниже, в строке 7. Возможно, наборщик ориентировался на латинское написание слова «Бог», Deus, в связи с чем ему показалось более правильным написать по-гречески это слово, начав с буквы «дельта». Не исключено, впрочем, что изначально в греческой версии стихотворного приветствия могло подразумеваться слово ΖΕΥΣ, греч. ΔΙΟΣ, то есть Зевс, Юпитер, подобно тому как Петра именует немецкое стихотворение, — еще один намек на «неоконченную» попытку игры слов-смыслов в тексте Борнманна.

^d Исправлено от руки из: ΔΕΘς.

^e Так в тексте.

Willkommen bestes Drey/ das Jupiter aus Norden
Zum Grossen Leopold/ und nach den Golfo schickt!
Der Himmel ist schon hell/ das Meer gestüme worden/
In dem ein Erden//Gott fein auf den Andern blickt.
Ihr seid Mund/ Aug' und Hand des Unbezwungnen Czaren/
Der Hohen Majestät und Sonnen Unter//Schein.
Er will auf disem Licht das weite Rund durchfahren/
Drumb muss Ihm eure Treu der göldne Wagen seyn.
Ihr habet/ was Merkur/ den Götter//Bohten zieret/
Und könnt am Flügel//Stab mit hundert Augen sehn.
Wo Schlangen//Fürsicht ist/ und kluger Raht gerieret/

Da muss am Firmament kein Gegen//Strich geschehn.
So zihet glücklich fort/ Ihr Großen Käiser//Bohten/
Verbündet alles wohl. GOTГ mach indessen Bahn/
Dadurch der tapfre Czar den Mond so mag durchschroten/
Dass Ihm Przecop und Krym bald werden unterthan!

РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 4–5.

- л. 4 Монарху російскому непобѣдимѣишему:
Взял еси Азовъ, его же греки Танаем называша,
Астраханю, Казаню и Сибирю г(о)с(у)д(а)рствующи.
л. 5 Н(ы)нѣ убѡ¹⁶ поддана тебѣ добрая часть свѣта,
Зане во Европѣ и во Азіи силный король еси.¹⁷
Продолжай Б(о)жю воину, и трацінскіе лисицы убивай,
Вѣруи Б(о)гу, Б(о)гъ есть ближний самъ тебѣ.
Кѡнстантинополь с Тартарією возми побѣдителю,
И греческий вышшим именем цесарь будеши.

Бл(а)гопріятно пришествіе в(а)ше, ѡ лутчіе тріе,
ихъ же Юпитер от сѣвера.
К великому Лѡполду і в Голфа¹⁸ посылаетъ,
Ибо уже яснѡ море же бурственнѡ стало,
Егда единъ¹⁹ земный Б(о)гъ на другаго изряднѡ воззираетъ.
Вы есте уста очи и ружѣ непреодолимаго ц(а)ря,
Высокого величества и солнца нижнее сияніе.
Онъ хоцетъ на сем свѣтѣ пространный круъ²⁰ проѣхать,
И того ради в(а)шей вѣрности, подобает ему златою колесни-
цею быти.

Вы имѣете то еже Меркурія гонца богѡв украшает,
И можете по крыластному жезлу стократными очми зрѣти.
Гдѣ зміная ѡпасность есть, и разумный совѣт правителствует.
Тамѡ не²¹ надлежитъ на тверди никакои супротивности быти,
І такѡ идите счастливо далѣе вы великіе кесарскіе послы,
Соедините все бл(а)го. Б(о)гъ же да устроит меж тѣм путь,
Которым бы храбрыи ц(а)рь луну толь могъ пробити,
Чтоб ему Перекопъ и Крым вскорѣ могли подданны быти.

РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 224–226.

- л. 224 Монарху россовъ непобѣдимѣишему;
Азовъ взялъ еси, Танаемъ²² же

¹⁶ Далее зачеркнуто: тебѣ.

¹⁷ Эта и предыдущая строки написаны мельче той же рукой и теми же чернилами и находятся на стыке разрезанного листа.

¹⁸ Помета на левом поле: венецкое море.

¹⁹ Вставлено над строкой той же рукой и теми же чернилами.

²⁰ Помета на левом поле: міръ.

²¹ Вставлено над строкой той же рукой и теми же чернилами.

²² Помета на левом поле: Доном.

Еллины назваша,
Астараханскіи, Казанскіи, Сиби
рскіи же державецъ.
Н(ы)нѣ убо имаши в державѣ твоеі
Превеликую часть мира,
Европы ц(а)рь сии, Асіи же
Великіи,
Подими Б(о)жию воину, и Фракіи
ския лисицы убей,
Дерзай: в Б(о)зѣ, есть бо тебѣ Б(о)гъ
Преблизокъ,
Константинополь, с Тартарією
возми побѣдою,
Еллады самодержецъ, і нѣко
Гда цесарь будеши,

л. 225 Здравствуйте лутчее три ихъ ж
І Юпитеръ іс сѣвера,
К великому Леополду, і к Голѹ
Посѣланы,
Н(е)бо уже ясное, море тихо
Стало,
Зане земный Б(о)гъ, одинъ
На другого смотрит,
Вы есте, уста, очи, і руки,
Непобѣдимаго ц(а)ря,
Высокого величества, і с(о)лнца
Подсияніе,
Хоцет на сѣи свѣтлости,
Далный кругъ проѣхать,
того ради надобно дабы
в(а)ша вѣрность, золотыи
Воз была
Вы имѣете чем Меркуріусъ Б(о)гов посла украшает,
И возможете на крыластом жезлѣ со стома очми смотрѣть,²³
Гдѣ змиіная осторожность есть
І умный совѣт владѣть,
Тамо надобно дабы на кругу
Н(е)б(е)сномъ противо сиянія,
не было,

л. 226 Поѣзжайте счастливо вы,
великие цесаря послы,
Обовяжите вся бл(а)го, Б(о)гъ
Меж тем временем да чинитъ
Путь,

²³ Эта и предыдущая строки написаны мельче и являются вставкой между строк той же рукой и теми же чернилами.

Через которые храбрыи ц(а)рь
М(еся)цъ такъ проитить возмог,
Чтоб ему Перекопъ, і Крымъ
Скоро, подданными были,

РГАДА. Ф. 155. 1698 г. Ед. 17. Ч. 1. Л. 197–199.

Л. 197 Взял еси Азовъ, Донъ нарекоша пеласги,
Астарахань, Казань, и Сибирь вла-
дѣши;
Н(ы)нѣ ж тебе поддана равенственно добра
Часть свѣта;
Ц(а)рь убо еси Эвропѣ, і Ассіи силны
твори воину Б(о)жию;
трессицкие убей лисицы, уповаі на-
Б(о)га, самъ, Б(о)гъ, тебѣ блисшиі
Ц(а)рь градъ с татарскою землею. Емли
побѣждитель;
Грѣковъ і вышайшим именемъ кесар
Будеши;

л. 198 Здравствуйте лутшее трое его же
І Юпитер ісѣ сѣвера;
К великому Леополдусу, и к Голѣу послал;
Н(е)бо уже ясное и море утишилось
Какъ одинъ земныи²⁴ Б(о)гъ бл(а)го-
на другаго зреть;
Вы есте, уста, очеса, и руки, не
Побѣдимого ц(а)ря;
Высокого величества и подсяние
С(о)л(н)ца;
Он изволить на сеи свѣтлости
далныиі кругъ проѣхать;
того ради надобно. Чтоб в(а)ша
вѣрность ему златым возом была;
Вы имѣете чего Меркуриус бозиего посла украшаетъ;
і возможете на криластом жезлѣ
стома очима, смотрѣт;
Гдѣ змеиное оберегателствѣ
Есть і умныиі совѣт владѣет.
тамъ на кругу н(е)б(е)сномъ противное
Ударение бытъ не мѣтъ²⁵;

л. 199 І такъ шествуите сщастливѣ
Вы великие кесарские послы, вся
Бл(а)го ѡбвояжите: Б(о)гъ междо

²⁴ Здесь и далее: так в рукописи.

²⁵ Так в рукописи.

тем временемъ да творить
Путь;
Чресъ которыи храбрыи ц(а)рь
Луну, такъ возможесть про
Бивать, что ему Перекопъ
I Крымъ скоро подданными
будуть;

Литература

- Алпатов С. В., Шамин С. М.* Элогиум митавских иезуитов в документах великого посольства 1697 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 96–110.
- Гуськов А. Г.* Великое Посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.
- Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов / Отв. ред. Е. Е. Лыкова, сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. М., 2006.
- Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Уо Д. К.* История одной книги. СПб., 2003.
- Шамин С. М.* К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.) на формирование положительного образа России в Европе (По материалам курантов) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 377–391.
- Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2011.
- Analecta Freystadiensia, oder Freystädtische Chronica / Hrsg. G. Förster, J. G. Axt, J. H. Winkler.* Lissa, 1751. N 23.
- Denffer N. von.* Christian Bornmann. Schicksal und Werk eines vergessenen baltischen Dichters // Sitzungsberichte der Kurzemer (Kurländischen) Gesellschaft für Literatur und Kunst und Jahresberichte des Kruzemer (Kurländischen) Provinzialmuseums in Jelgava (Mitau) aus den Jahren 1935/1936. Riga, 1937. S. 11–34.
- Flood J. L.* Poets Laureate in the Holy Roman Empire: a bio-bibliographical handbook. Berlin, 2006. Vol. 1.
- Lane J. A.* From the Grecs du roi to the Homer Greek: two centuries of Greek printing types in the wake of Garamond // Greek letters. From tablets to pixels / Ed. by M. S. Macrakis. New Castle, 1996. P. 109–128.
- Otwinowska B.* Elogium – «flos floris, anima et essentia» poetyki siedemnastowiecznego panegiryzmu // Studia z teorii i historii poezji. Wrocław, 1967. S. 148–184.
- Šamin St., Watson Ch.* Вымышленный «Указ турецкого султана»: европейская традиция и русский перевод 1697 г. // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2014. № 55. P. 169–190.